Irina B. Pavlova
Doctor of Philology
Senior Researcher Institute of World Literature
Russian Academy of Science
e-mail: antologia1@yandex.ru
Moscow, Russia
ResearcherID: AAO-8719-2020
ORCID: 0000-0002-0006-0156

DOI: 10.36340/2071-6818-2025-21-2-10-18

THE TREE OF LIBERTY IN THE PREPARATORY MATERIALS FOR LEO TOLSTOY'S NOVEL ABOUT THE DECEMBRISTS AND THE WRITER'S PERCEPTION OF A TREE IMAGE

Summary: The article focuses on a tree image in the preparatory materials for Leo Tolstoy's novel about the Decembrists dating back to 1878–1879. From the writer's point of view, the Decembrists' worldview and activities had socio-historical and cultural significance. Their hardships provided rich material for artistic exploration, although the attitude towards them changed over time and was ambiguous. While pondering the novel about the Decembrists, he thought a lot about the influence of world history lessons on their views. The turbulent era of the late 18th and early 19th centuries gave rise to the question of political and civil freedom and its price as never before. Tolstoy wrote down information of interest for the future novel in his notebooks, conventionally designated by researchers as "A", "B", "C", and on separate sheets. One of the entries in book A, which was completed during 1878, states: "Fertilise the tree of Liberty with blood". The custom of planting the Tree of Liberty in a ceremonial setting on city streets and squares, as it appeared in America during the struggle for independence (approximately the end of the 18th century), became widespread in France during the Great French Revolution. The figurative expression about the Tree of Liberty growing on the soil saturated with blood spread throughout European culture in various versions. The political experience of America and France in the 18th – early 19th centuries made this image-symbol and the rituals associated with it well-known and popular among representatives of secret political societies in Russia. In light of these facts, Tolstoy's attention to the image-symbol of the tree seems no accident. For an artist-thinker, the powerful aesthetic and semantic potential hidden in it was obvious. However, the hypostasis of this image, associated with violence, blood, revolutionism, tyranny, was alien to the writer's spiritual character and worldview. In his works, the tree image is associated with the ethical and ontological sphere. Such is the nameless tree in the story "Three Deaths", the oak in the epic War and Peace, the linden and oak in the novel Anna Karenina. Tolstoy's interpretation of this symbolic image is associated with ordering, harmony. The writer-thinker was attracted to the spiritual and moral sphere. Thus, gradually, a unique ethical system that rejected any violence formed in his mind.

Keywords: tree, liberty, Decembrists, Leo Tolstoy's works

In the early 1860s, Leo Tolstoy wrote three chapters of a novel dedicated to the Decembrists (a fragment was published in the collection XXV, dedicated to the twenty-fifth anniversary of the Literary Fund, in 1884). Later, he returned to this topic after completing work on Anna Karenina. The collected materials, the author's notes made in the process of thinking over the work in 1878–1879, testify to his close attention to the historical path of Russia, to the fate of the nobility and the people; they give an idea of the scale of the writer's plan. From Tolstoy's point of view, the Decembrists' ideas and activities had socio-historical, cultural significance; their hardships provided rich material for artistic exploration, although the attitude towards them underwent changes over time and was ambiguous.

The writer wrote down information of interest for the future novel about the Decembrists in his notebooks, conventionally designated by researchers with the letters "A", "B", "C", and in notes on separate sheets. The book A includes materials concerning the socio-political situation in Russia and Europe in the 1810–1820s, information about government officials, the life path of a number of Decembrists and people close to them. Tolstoy relied on many sources, including studies by European and Russian historians, 19th century periodicals, memoirs published in such journals as Russian Archive, Russian Antiquity, in the almanac Polar Star, etc. He drew information from correspondence with the Decembrists who had returned from exile and people who knew them.

While thinking over the novel about the Decembrists, the writer reflected a lot about the influence of world history lessons, the Great French Revolution, Napoleon's activities and the Patriotic War of 1812, the crisis of absolutism, which broke out in a number of European countries in the 1820s, on their views. The turbulent era of the late 18th and early 19th centuries gave rise to the question of political and civil freedom and its price as never before.

One of the entries in the book A, which was completed during 1878, states: "Fertilise the tree of Liberty with blood"[1]. The context in which it was placed is noteworthy — it is preceded by the phrase: "Sand killed Kotzebue" (the murder of playwright Kotzebue committed by German student Karl Sand in 1819; Kotzebue spoke out against the constitutional order and the liberal passions of the youth). After, it is written: "Löning attempted to assassinate Ibel" (inspired by Sand's example, pharmacist Löning attempted to kill a major dignitary of the Duchy of Nassau, Ibel, in 1819).

The image of a tree in world culture has very deep roots. According to the definition of the encyclopedia Myths of the Peoples of the World: "The myth about the World Tree (arbor mundi, 'cosmic' tree), an image characteristic of mythopoetic consciousness, embodying the universal concept of the world. The image of the World Tree is attested almost everywhere, either in its pure form, or in variants

1. Tolstoy L. N. Complete Works: in 90 volumes (Jubilee). Vol. 17. 1936. Moscow, GIHL, p. 446. Further references to this edition are given in the text with the volume and page indicated in brackets.

Ill.1. Jean Baptiste Lesueur (1749-1826). Planting of the Liberty Tree. Drawing, gouache on cardboard, 36 x 53,5 cm. Between 1789 and 1800. The Musée Carnavalet, Paris. A series of 83 gouaches on the French Revolution, including 73 of them kept in the Musée Carnavalet.

(often with an emphasis on one or another particular function) – 'tree of life', 'tree of fertility', 'tree of the centre', 'tree of ascension', 'heavenly tree', 'shaman tree', 'mystical tree', 'tree of knowledge', etc.; more rare variants: 'tree of death', 'tree of evil', 'tree of the underworld (lower world)', 'tree of descent'".[2]

As the author of the encyclopedic article points out: "The world tree, in a certain sense and in certain contexts, becomes a model of culture as a whole, a kind of 'tree of civilisation' among natural chaos. <...> The world tree's special role for the mythopoetic era is determined, in particular, by the fact that the world tree acts as an intermediary link between the universe (macrocosm) and man (microcosm) and is the place of their intersection. The image of the world tree guaranteed a holistic view of the world, a person's determination of their place in the universe."[3]

In the cultural development of mankind, the concept of the World Tree has left traces in numerous cosmological, religious, and mythological ideas reflected in language, in verbal texts of various kinds, in art, and in other spheres.

In chapters IX and X of his fundamental study, The Golden Bough, the English religious scholar and ethnologist, D. J. Frazer, described in detail the worship of trees, which played an important role in the history of the religion of the Aryans, and traced the legacy of totemism in folk life. The beneficial properties attributed to the tree spirits, capable of transmitting their magical power to people, determined

2. Toporov V. N. "The World Tree" // Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 volumes. Volume 1. 1980. Moscow, Soviet Encyclopedia, p. 398.
3. Toporov V. N. "The World Tree" // Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. Vol. 1, pp. 404–405.

Ill. 2. A.V. Nikolaev. Meeting with an oak tree. Illustrations for the novel War and Peace by Leo Tolstoy. Gouache on paper, 4,7 x 13.1 cm. 1959-1961, 1963. The painting and graphics collection of the Leo Tolstoy State Museum.

such a ritual as the planting of the May tree at rural festivals in Western Europe and among the Slavs.[4]

The custom of planting the Liberty Tree in a ceremonial setting on city streets and squares as a symbol of liberation from despotism originated during the American colonists' struggle for independence (around the end of the 18th century). Thomas Jefferson (1743–1826), an American educator, the author of the draft of the US Declaration of Independence, and the third president of America, expressed the following thought in a letter to W. Smith on November 13, 1787: "And what country can preserve its liberties if their rulers are not warned from time to time that their people preserve the spirit of resistance? Let them take arms. The remedy is to set them right as to facts, pardon and pacify them. What signify a few lives lost in a century or two? The tree of liberty must be refreshed from time to time with the blood of patriots and tyrants. It is its natural manure."[5]

During the French Revolution, it became a tradition to plant trees in many cities across the country symbolising freedom, the bloodshed for it, and sacrifice. For example, such a Tree was planted by the sans-culottes in the Saint-Antoine suburb of Paris on the anniversary of the Tennis Court Oath taken by the united representatives of the Third Estate on June 20, 1789, who demanded a constitution. This oath marked the first open uprising of the Third Estate against the king.

The figurative expression about the Tree of Liberty growing on soil soaked in blood was spread in various versions in European culture at the turn of the 19th century and later. It echoes the meaning of the words of the Marseillaise, created by Claude Joseph Rouget de Lisle on April 25, 1792, about the bloodshed for freedom in the fight against the enemies of the homeland and tyrants. The refrain of the anthem goes: "Let blood impure. Water our furrows!" ("Qu'un sang impur / Abreuve nos sillons!"). The Scottish poet, Robert Burns, wrote a poem called "The Tree of Liberty" (1792), created under the influence of the French Revolution.

The events of the radical social and political upheaval that took place in France in the 18th century made this symbolic image and the rituals associated with it well-known and popular among the representatives of secret political societies in Russia. The influence of the Declaration of Independence and the political experience of the United States should also be taken into account. As is known, in his constitutional project, Nikita Muravyov was guided by the American Declaration (see: N. Druzhinin. Decembrist Nikita Muravyov. 1933. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers; N. Bolkhovitinov. "Decembrists and America". 1974. // Questions of History, No. 4, pp. 91–104).

The symbolic image of a tree was in demand by public consciousness during the revolutions in France in July 1830, in February 1848, in September 1870 when the Third Republic was proclaimed, and also by the Paris Commune in 1871. Victor Hugo's speech, delivered at the planting of the Tree of Liberty on the Place des Vosges on March 2, 1848, sounds like a hymn: "It is a beautiful and true symbol for liberty that a tree! Liberty has its roots in the heart of the people, like the tree in the heart of the earth; like the tree it raises and spreads its branches in the sky; like the tree, it grows unceasingly and covers generations with its shade. The first tree of freedom was planted, eighteen hundred years ago, by God himself on Golgotha. The first tree of liberty is this cross on which Jesus Christ offered himself as a sacrifice for the liberty, equality, and fraternity of the human race."[6]

It was hymned by the Russian radical of the sixties, I. Golts-Miller, in the poem "After Reading Buckle's Book, The History of Civilisation" (1869).

In light of these facts, Tolstoy's attention to the symbolic image of a tree seems no accident. For an artist-thinker, the powerful aesthetic and semantic potential hidden in it was obvious. However, the hypostasis of this image, associated with violence, blood, revolution, tyranny, was alien to the writer's spiritual character and worldview. In his works, the image of a tree is associated with the ethical and ontological sphere. Such is the nameless tree in the story "Three Deaths", the oak in the epic War and Peace, the linden and oak in the novel Anna Karenina.

In the first work, the grove is an ideal place where special laws operate. Drawn as if for the edification of a person, a picture of what happens to a tree that is cut down to make a cross reveals the wisdom, grandeur, beauty of natural life and death; it elevates the story to a philosophical level, directs the reader along the path of spiritual enlightenment. According to the author, there is no tragedy in nature, everything is subject to higher laws, "divine-universal". In a letter to A. Tolstoy, the writer briefly and apologetically outlined the principle of life, "une brute", which can be interpreted not in a mundane-naturalistic sense, but as an unconscious, instinctive one: "... but what is bad about une brute? Une brute is happiness and beauty, harmony with the whole world, and not such discord as with a lady. A tree dies calmly, honestly, and beautifully. Beautifully — because it does not lie, does not break, is not afraid, does not regret. — This is my thought, with which you, of course, disagree, but which cannot be disputed — it is in my soul and in yours" (Tolstoy, vol. 60, pp. 265–266).

The oak tree in the epic War and Peace, this patriarch of the forest, the ancestor who at first seemed to Prince Andrei a symbol of calm renunciation of life, is miraculously transformed on the hero's way back from Otradnoye: it "spread out like a tent of juicy, dark greenery", languid, swaying in the rays of the evening sun. Unity and harmony of the young and the old reign in the forest, the transition of one natural state to another takes place; as in "Three Deaths", everything is subject to the laws of "divine-universal". The meeting with the oak, embodying the idea of universalism and the inviolability of the laws of being, with the tree, connecting the earthly world and space, helps the hero overcome his disunity with the surrounding reality and his close ones.

In the novel Anna Karenina, during a thunderstorm, the rescue of Kitty, the child, and the nanny comes from an old linden tree. They find themselves under its cover. The function of the linden is being merciful, protective. In the book A Journey into the Depths of the Novel: Leo Tolstoy's Anna Karenina, it is noted by B. Lönnqvist: "the old linden tree, a honey tree," turns out to be the guardian of the child and adults, "and here we can remember that in folklore beliefs, the linden tree is a sacred tree associated with love, with the celebration of spring and rebirth"[7]. At the same time, an oak tree struck by lightning symbolises the struggle of the forces of chaos with the forces of order. Despite the riot of the elements, harmony is restored, the thunderbolt has no catastrophic consequences.

The writer-thinker was attracted to the spiritual and moral sphere; in his ethical system, the idea of non-violence is a concrete and practical path of life and the internal improvement and growth of the individual. The development of the artist's philosophical and moralistic views, his ideas about the relationship of man with the earthly sphere and the Universe, the individual with society, confirmed Tolstoy in the idea that human existence should be consistent with natural laws, with the need to maintain a connection with their origins. The greatness of nature, including the basis of the plant world — the tree, is in the infinity of its manifestations, in the ineffable mystery contained in it. It connects man with eternity, with the Universe, spiritually and ethically influences them, encourages them to seek the meaning of existence and their destiny. For the writer, freedom and the fullness of being are contained in unity with the universe. The symbolic image of the tree is polysemantic; its deep meanings are practically inexhaustible. Tolstoy's creative interpretation of this symbolic image is associated with ordering, harmony, with the wisdom of the "divine-universal" attitudes.

4. Frazer D. J. The Golden Bough. 1983. Moscow: Publishing House of Political Literature, pp. 110–134.
5. Thomas Jefferson on Democracy. 1992. Compiler: S. K. Padover. St. Petersburg: Res Humana, Lenizdat, p. 40.
6. Hugo V. Collected Works: in 15 volumes. Vol. 15. 1956. Moscow: GIHL, p. 41.
7. Lönnqvist B. *Journey into the Depths of the Novel: Leo Tolstoy's Anna Karenina.* 2010. Moscow: Languages of Slavic Culture, p. 109.

REFERENCES:

1. Hugo, V. 1956. Collected works in 15 vol., GIHL, Moscow, USSR, vol. 15, pp. 41–42.
2. Jefferson, T. 1992. “Letter to W. Smith”, Thomas Jefferson on Democracy [Tomas Dzhefferson o demokratii], Translated from English by Markina, M.D., in Padover, S.K. (ed), Res Humana, Lenizdat, St. Petersburg, USSR, pp. 39–40.
3. Lönnqvist, S.B. 2010. Puteshestvie vglub romana: Lev Tolstoj «Anna Karenina» [Journey into the Depths of the Novel: Leo Tolstoy’s Anna Karenina], Yazyki slavyanskoj kultury, Moscow, Russia, pp. 108–109.
4. Tolstoy, L.N. 1928–1958. Complete works in 90 vol. (Jubilee), GIHL, Moscow, USSR.
5. Toporov, V.N. 1980–1982. “The World Tree”, Myths of the Peoples of the World, Encyclopedia in 2 vol., Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR, vol. 1, pp. 398–406.
6. Frazer, J.G. 1983. Zolotaya vetv [The Golden Bough], Izd–vo politicheskoj literatury, Moscow, USSR, pp. 110–134.

Ирина Борисовна Павлова
Доктор филологических наук
Старший научный сотрудник
Института мировой литературы
Российской Академии наук
e-mail: antologia1@yandex.ru
Россия, Москва
ResearcherID AAO-8719-2020
ORCID 0000-0002-0006-0156

DOI: 10.36340/2071-6818-2025-21-2-10-18

ДЕРЕВО СВОБОДЫ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛАХ К РОМАНУ Л.Н. ТОЛСТОГО О ДЕКАБРИСТАХ И ВОСПРИЯТИЕ ПИСАТЕЛЕМ ОБРАЗА ДРЕВА

Аннотация: Статья посвящена образу древа в подготовительных материалах к роману о декабристах Л.Н. Толстого, относящихся к 1878–1879 гг. Мировоззрение, деятельность декабристов имели с точки зрения писателя общественно–историческое, культурное значение, их жизненные коллизии давали богатый материал для художественного освоения, хотя отношение к ним претерпевало с течением времени изменения, было неоднозначным. Обдумывая роман о декабристах, он много размышлял о влиянии на их взгляды уроков мировой истории. Бурная эпоха конца XVIII–начала XIX вв. как никогда остро породила вопрос о политической, гражданской свободе и ее цене. Сведения, представлявшие интерес для будущего романа Толстой заносил в Записные книжки, условно обозначенные исследователями «А», «Б», «В», и на отдельные листы. Одна из записей в книжке «А», которая заполнялась в течение 1878 г., гласит: «Дерево свободы удобрить кровью». Обычай сажать в торжественной обстановке на городских улицах и площадях Дерево свободы появился в Америке в период борьбы за независимость (примерно конец XVIII в.), получил большое распространение во Франции во время Великой Французской революции. Образное выражение о Древе свободы, произрастающем на почве, напитанной кровью, в различных вариантах распространилось в европейской культуре. Политический опыт Америки и Франции XVIII – начала XIX в. сделал этот образ–символ и ритуалы, связанные с ним, хорошо известными и популярными в кругах представителей тайных политических обществ в России. В свете этих фактов неслучайным представляется внимание Толстого к образу–символу древо. Для художника–мыслителя, был очевиден мощный эстетический и смысловой потенциал, сокрытый в нем. Но ипостась этого образа, связанная с насилием, кровью, революционностью, тираноборчеством, была чужда духовному складу, мировосприятию писателя. Образ древа в его произведениях сопряжен со сферой этической, онтологической. Таковы безымянное дерево в рассказе «Три смерти», дуб в эпопее «Война и мир», липа и дуб в романе «Анна Каренина». Толстовская интерпретация этого символического образа связана с упорядочиванием, гармонией. Писателя–мыслителя влекла область духовно–нравственная, и в его сознании постепенно формировалась своеобразная этическая система, отвергающая всякое насилие.

Ключевые слова: древо, свобода, декабристы, творчество Л.Н. Толстого

В начале 1860-х годов Л.Н. Толстой написал три главы романа, посвященного декабристам (фрагмент был опубликован в 1884 году в сборнике «XXV», посвященном двадцатипятилетию Литературного фонда). В дальнейшем он возвратился к этой теме после завершения работы над «Анной Карениной». Собранные материалы, записи, сделанные художником в процессе обдумывания произведения в 1878–1879 гг., свидетельствуют о его пристальном внимании к

историческому пути России, к судьбам дворянства и народа, дают представление о масштабности замысла писателя. Мировоззрение, деятельность декабристов имели с точки зрения Толстого общественно–историческое, культурное значение, их жизненные коллизии давали богатый материал для художественного освоения, хотя отношение к ним претерпевало с течением времени изменения, было неоднозначным.

Сведения, представляющие интерес для будущего романа о декабристах, писатель заносил в Записные книжки, условно обозначаемые исследователями буквами «А», «Б». «В», имеются также записи на отдельных листах. В книжку «А» вошли материалы, касающиеся общественно–политической обстановки в России и в Европе 1810–1820-х гг., сведения о государственных деятелях, о жизненном пути ряда декабристов и близких к ним лиц. Толстой опирался на множество источников, среди них исследования европейских и отечественных историков, периодические издания XIX в., мемуарные свидетельства, напечатанные в таких журналах, как «Русский архив», «Русская старина», в альманахе «Полярная звезда» и др. Он черпал сведения из переписки с вернувшимися из ссылки декабристами и людьми, знавшими их.

Обдумывая роман о декабристах, писатель много размышлял о влиянии на их взгляды уроков мировой истории, Великой французской революции, деятельности Наполеона и Отечественной войны 1812 года, кризиса абсолютизма, разразившегося в ряде европейских стран в 1820-е годы. Бурная эпоха конца XVIII–начала XIX вв. как никогда остро породила вопрос о политической, гражданской свободе и ее цене.

Одна из записей в книжке «А», которая заполнялась в течение 1878 г., гласит: «Дерево свободы удобрить кровью»[1]. Обращает на себя внимание контекст, в котором она находится: ей предшествует фраза: «Занд убил Коцебу» (убийство, совершенное в 1819 г. немецким студентом Карлом Зандом драматурга Коцебу, выступавшего против конституционного строя, либеральных увлечений молодежи), а после нее следует: «Лёнинг покушался на жизнь Ибеля» (покушение увлеченного примером Занда аптекаря Лёнинга в 1819 г. на жизнь крупного сановника Нассауского герцогства Ибеля).

Образ древа в мировой культуре имеет очень глубокие корни. По определению энциклопедии «Мифы народов мира»: «Древо мировое (arbor mundi, “космическое древо”), характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Образ Д.м. засвидетельствован практически повсеместно или в чистом виде, или в вариантах (нередко с подчеркиванием той или иной частной функции) — “древо жизни”, “древо плодородия”, “древо центра”, “древо восхождения”, “небесное древо”, “шаманское древо”, “мистическое древо”, “древо познания” и т.п.; более редкие варианты: “древо смерти”, “древо зла”, “древо подземного царства (нижнего мира)”, “древо нисхождения”»[2].

Как указывает автор энциклопедической статьи: «Само Д.м. в известном смысле и в определенных контекстах становится моделью культуры в целом, своего рода “древом цивилизации” среди природного хаоса. <…> Особая роль Д.м. для мифопоэтической эпохи определяется, в частности, тем, что Д.м. выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмосом) и человеком (микрокосмосом) и является местом их пересечения. Образ Д.м. гарантировал целостный взгляд на мир, определение человеком своего места во вселенной»[3].

В культурном развитии человечества концепция мирового Древа оставила по себе следы в многочисленных космологических, религиозных и мифологических представлениях, отраженных в языке, в словесных текстах разного рода, в искусстве, в других сферах.

Английский религиовед и этнолог Д. Дж. Фрезер в своем фундаментальном исследовании «Золотая ветвь» подробно описал в IX и X главах поклонение деревьям, которое играло важную роль в истории религии арийцев, проследил наследие тотемизма в народной жизни. Благотворные свойства, приписываемые духам деревьев, способным передавать свою магическую силу людям, обусловили такой обряд как посадка Майского дерева на сельских праздниках в Западной Европе и у славян[4].

1. Толстой Л.Н. Полное собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное). Т. 17. М., ГИХЛ, 1936. – С. 446. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.
2. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., Сов. энциклопедия, 1980. С. 398.
3. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия Т. 1. С. 404–405.
4. Фрезер Д.Дж. Золотая Ветвь. М.: Изд–во политической литературы, 1983. – С.110–134.

Обычай сажать в торжественной обстановке на городских улицах и площадях Дерево свободы как символ освобождения от деспотизма зародился в период борьбы американских колонистов за независимость (примерно конец XVIII в.).Томас Джефферсон (1743-1826), американский просветитель, автор проекта Декларации независимости США, третий президент Америки, в письме к У. Смиту от 13 ноября 1787 г. высказал следующую мысль: «И какая страна может сохранить свои свободы, если ее правители не получают время от времени предупреждения о том, что ее народ хранит свой дух сопротивления? Пусть люди берутся за оружие. Средство поправить дело — это добиться, чтобы они правильно поняли все факты, затем — помиловать и умиротворить их. Что значит потерять несколько жизней за столетие или два? Дерево свободы необходимо поливать время от времени кровью тиранов и патриотов. Это его естественное удобрение»[5].

В период Великой французской революции стало традицией сажать во многих городах страны деревья, символизирующие свободу, пролитую ради нее кровь, жертвенность. Например, такое Древо было посажено санкюлотами в Сент-Антуанском предместье Парижа в годовщину клятвы в Зале для игры в мяч, произнесенной объединившимися представителями третьего сословия 20 июня 1789 г., требовавшими конституции. Эта клятва ознаменовала первое открытое выступление третьего сословия против короля.

Образное выражение о Древе свободы, произрастающем на почве, напитанной кровью, в различных вариантах распространялось в европейской культуре на рубеже XVIII–XIX вв. и в дальнейшем. Оно перекликается по смыслу со словами «Марсельезы», созданной 25 апреля 1792 года Клодом Жозефом Руже де Лилем, о крови, пролитой за свободу в борьбе против врагов родины и тиранов; рефрен гимна звучит так: «Пусть крови нечестивой / Напьются наши нивы!» («Qu’un sang impur / Abreuve nos sillons!»). У шотландского поэта Роберта Бёрнса есть стихотворение «Дерево свободы» («The Tree of Liberty», 1792), написанное под влиянием Великой французской революции.

События коренного социального и политического переворота, совершившегося во Франции XVIII в., сделали этот образ–символ и ритуалы, связанные с ним, хорошо известными и популярными в кругах представителей тайных политических обществ в России. Следует также учитывать влияние Декларации независимости и политического опыта Соединенных Штатов. Как известно, Никита Муравьев в своем конституционном проекте ориентировался на американскую Декларацию (См.: Н.М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., Изд. всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933; Н.Н. Болховитинов. Декабристы и Америка // Вопросы истории, № 4, 1974. С. 91–104).

Образ–символ древа был востребован общественным сознанием и во время революций во Франции в июле 1830 г., в феврале 1848 г., в сентябре 1870 г. при провозглашении Третьей республики, а также Парижской коммуной в 1871 г. Речь Виктора Гюго, произнесенная при посадке Дерева свободы на площади Вогезов 2 марта 1848 года, звучит как гимн: «Дерево — прекрасный и истинный символ свободы! Свобода уходит корнями в сердца людей, подобно дереву в сердце земли; подобно дереву, оно поднимает и простирает свои ветви в небо; подобно дереву, оно растет непрерывно и покрывает поколения своей тенью. Первое дерево свободы было посажено восемнадцать столетий назад самим Богом на Голгофе. Первое дерево свободы — это крест, на котором Иисус Христос принес себя в жертву за свободу, равенство и братство человечества»[6].

Оно было воспето русским радикалом–шестидесятником И.И. Гольц–Миллером в стихотворении «По прочтении книги Бокля “История цивилизации”» (1869).

В свете этих фактов неслучайным представляется внимание Толстого к образу–символу древо. Для художника–мыслителя, был очевиден мощный эстетический и смысловой потенциал, сокрытый в нем. Но ипостась этого образа, связанная с насилием, кровью, революционностью, тираноборчеством, была чужда духовному складу, мировосприятию писателя. Образ древа в его произведениях сопряжен со сферой этической, онтологической. Таковы безымянное дерево в рассказе «Три смерти», дуб в эпопее «Война и мир», липа и дуб в романе «Анна Каренина».

В первом произведении роща это идеальное место, где действуют особые законы. Нарисованная как будто в назидание человеку картина происходящего с деревом, которое рубят для

5. Томас Джефферсон о демократии. Сост. Падовер С.К. СПб., Рес Гумана: Лениздат, 1992. – С. 40.
6. Гюго В. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. М., ГИХЛ, 1956. С. 41.

изготовления креста, раскрывает мудрость, величие, красоту естественной жизни и смерти, возносит рассказ на уровень философский, направляет читателя по пути духовного просветления. По мысли автора, в природе нет трагедии, все подчинено высшим законам, «божески–всемирным». В письме к А.А. Толстой писатель кратко и апологетически изложил принцип жизни «une brute», который можно трактовать не в приземленно–натуралистическом значении, а как неосознанное, инстинктивное: «...да чем же дурно une brute? Une brute есть счастье и красота, гармония со всем миром, а не такой разлад, как у барыни. Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво — потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет. — Вот моя мысль, с которой вы, разумеется, несогласны, но которую оспаривать нельзя, — это есть и в моей душе и в вашей» (Толстой, т. 60, с. 265–266).

Дуб в эпопее «Война и мир», этот патриарх леса, пращур, который казался вначале князю Андрею символом спокойного отречения от жизни, на обратном пути героя из Отрадного чудно преображается, он «раскинулся шатром сочной, темной зелени», млел, колыхаясь в лучах вечернего солнца. В лесу царит единство, согласованность молодого и старого, происходит переход одних природных состояний в другие; как и в «Трех смертях», все подчинено законам «божески–всемирным». Встреча с дубом, воплощающим идею универсализма, незыблемость законов бытия, с древом, связующим мир земной и космос, помогает герою преодолеть разобщенность с окружающей действительностью и ближними.

В романе «Анна Каренина» во время грозы спасение Кити, ребенка, няни исходит от старой липы. Они оказываются под ее покровом. Функция липы милующая, защищающая. Это отмечено Б. Лённквист в книге «Путешествие вглубь романа: Лев Толстой "Анна Каренина"»: хранительницей ребенка и взрослых «оказывается старая липа, медоносное дерево. И тут можно вспомнить, что липа в фольклорных поверьях — священное дерево, связанное с любовью, с празднованием весны и возрождения»[7]. В то же время дуб, разбитый молнией, символизирует борьбу сил хаоса с силами упорядоченности. Несмотря на буйство стихии, гармония восстанавливается, катастрофических последствий громовый удар не имеет.

Писателя–мыслителя влекла область духовно–нравственная, в его этической системе идея ненасилия это конкретно–практический путь жизни и внутреннее совершенствование и возрастание личности. Развитие философских, моралистических взглядов художника, его представлений об отношениях человека с земной сферой и Вселенной, личности с обществом утверждало Толстого в мысли, что существование людей должно согласовываться с естественными законами, с необходимостью хранить связь со своими истоками. Величие природы в том числе основы растительного мира — древа, в безграничности ее проявлений, в заключенной в ней неизреченной тайне. Она связывает человека с вечностью, с Универсумом, духовно, этически влияет на него, побуждает искать смысл существования и свое предназначение. Свобода и полнота бытия заключены для писателя в единении с мирозданием. Образ–символ древа многозначен, его глубинные смыслы практически неисчерпаемы. Толстовская творческая интерпретация этого символического образа связана с упорядочиванием, гармонией, с мудростью установок «божески–всемирных».

7. Лённквист Б. Путешествие вглубь романа: Лев Толстой «Анна Каренина». М., Языки славянской культуры, 2010. С. 109.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Гюго В. Собрание сочинений в 15 т. Т. 15. - М.: ГИХЛ, 1956. - С. 41–42.
2. Джефферсон Т. Письмо У. Смиту // Томас Джефферсон о демократии / Ссост. и подгот. ориг., вступ. ст. С.К. Падовера; пер. с англ. М.Д. Маркина. - СПб.: Рес Гумана, Лениздат, 1992. - С. 39–40.
3. Лёнквист Б. Путешествие вглубь романа: Лев Толстой «Анна Каренина». - М.: Языки славянской культуры, 2010. - С. 108–109.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. (Юбилейное). - М.: ГИХЛ, 1928–1958.
5. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. - М.: Сов. энциклопедия, 1980–1982. - С. 398–406.
6. Фрезер Д.Дж. Золотая ветвь. - М.: Изд–во политической литературы, 1983. - С. 110–134.